

Вор. Ги де Мопассан

— Но я же вам говорю: никто этому не поверит.

— А вы все-таки расскажите.

— С удовольствием. Но только позвольте прежде заверить вас, что рассказ мой правдив до мелочей, каким бы неправдоподобным он ни казался. Не удивятся ему разве что художники, особенно старики — они-то знали ту эпоху буйных шаржей[1], эпоху, когда дух бесшабашных проказ был так силен, что даже при серьезных обстоятельствах мы не в состоянии были от него отказаться.

И старый художник сел на стул верхом.

Разговор происходил в ресторанном зале гостиницы Барбизона.

— Итак, — начал он свой рассказ, — мы обедали в тот вечер у бедняги Сорьеля, ныне покойного; он был самый безрассудный из нас. Обедали втроем: Сорьель, я и, если не ошибаюсь, Ле Пуатвен[2]. Я говорю, как вы понимаете, об Эжене Ле Пуатвене, маринисте, также покойном, а не о пейзажисте, который жив-здоров и чей талант находится в расцвете.

Сказать, что мы обедали у Сорьеля, это все равно, что сказать: мы сильно выпили. Только Ле Пуатвен сохранял рассудок, несколько затуманенный, правда, но еще довольно ясный. Мы были молоды тогда... Расположившись на коврах в комнатке при мастерской, мы говорили о самых разных вещах. Сорьель лежал на спине, задрал ноги на стул, и рассуждал о битвах, описывал мундиры Империи, потом вскочил, вытащил из большого шкафа с бутафорскими принадлежностями полную гусарскую форму и облачился в нее. Затем он потребовал, чтобы Ле Пуатвен нарядился гренадером. Ле Пуатвен не соглашался, — мы схватили его и, раздев, всунули в мундир необъятных размеров, в котором он сразу утонул.

Я оделся кирасиром. Сорьель заставил нас выполнить какой-то сложный маневр. И вдруг воскликнул:

— Раз уж мы стали на этот вечер солдатами, так давайте и пить как солдаты!

Пунш был подожен и тут же выпит; над чашей с ромом вновь вспыхнуло пламя. Мы во всю мочь распевали старинные песни, которые пели в былые времена ветераны великой армии.

Внезапно Ле Пуатвен, еще сохранявший некоторую власть над собой, сделал нам знак замолчать; несколько секунд было тихо; понизив голос, он проговорил:

— Я уверен, что кто-то ходил сейчас по мастерской.

Сорьель кое-как поднялся на ноги и, крикнув: «Вор! Какая удача!» — ни с того ни с сего затащил Марсельезу:

К оружию, граждане!..

Кинувшись к щиту с оружием, он стал передавать нам то, что соответствовало нашим мундирам. Я получил нечто вроде мушкета и саблю; Ле Пуатвен — громаднейшее ружье со штыком, а Сорьель, не найдя ничего подходящего, завладел седельным пистолетом; сунув его за пояс, он схватил еще абордажный топор и тут же начал потрясать им. Затем со всяческими предосторожностями он отворил дверь в мастерскую, и армия вступила на подозрительную территорию.

Когда мы оказались на середине просторного помещения, заставленного огромными холстами, мебелью, удивительными и непонятными предметами, Сорьель провозгласил:

— Назначаю себя генералом. Устроим военный совет. Ты, отряд кирасиров, отрежешь противнику путь к отступлению, иначе говоря, закроешь дверь на ключ. А ты, отряд гренадеров, будешь сопровождать меня.

Исполнив поручение, я присоединился к основным войскам, которые проводили осмотр местности.

Когда я был уже возле большой ширмы, за которой они скрылись, оттуда раздался страшный грохот. Со свечой в руке я ринулся в атаку. Оказалось, Ле Пуатвен только что проткнул штыком грудь какого-то манекена, а Сорьель ударом топора снес ему голову. Ошибка тут же разъяснилась, и генерал скомандовал:

— Впредь будем осмотрительней!

Операция продолжалась.

Минут двадцать, не меньше, мы понапрасну переворачивали вверх дном мастерскую, как вдруг Ле Пуатвену пришло в голову открыть объемистый стенной шкаф. В шкафу было темно и просторно; я протянул в глубь руку со свечой и, ошеломленный, подался назад; в шкафу стоял человек, живой человек, и смотрел на меня.

Я мигом запер шкаф, дважды повернув ключ в замке, и тотчас был вновь созван военный совет.

Мнения разошлись. Сорьель желал выкурить вора из укрытия, подпалив шкаф, Ле Пуатвен советовал взять его измором. Я предлагал попросту взорвать шкаф порохом.

Победило мнение Ле Пуатвена; он остался со своим огромным ружьем караулить пленника, а мы пошли за остатками пунша и трубками;

потом расположились перед запертым шкафом и стали пить за нашего пленника.

Прошло с полчаса, и Сорьель не выдержал:

— А мне все-таки хочется посмотреть на него вблизи. Что, если мы захватим его силой?

Я крикнул «браво!», каждый бросился к своему оружию; шкаф открыли, и Сорьель, взведя курок незаряженного пистолета, первым устремился вперед.

Дико крича, мы рванулись за ним. Здесь, во мраке, разыгралась чудовищная рукопашная битва; после пятиминутной невообразимой свалки мы выволокли на свет грабителя, старого грязного оборванца с седыми космами.

Грабителя тут же связали по рукам и ногам и усадили в кресло. Он не проронил ни слова.

И тут Сорьель провозгласил с торжественностью, иногда свойственной пьяному человеку:

— Этого мерзавца нужно судить!

Я был так пьян, что его предложение показалось мне совершенно естественным.

Ле Пуатвену было поручено представлять защиту, мне — поддерживать обвинение.

Старый грабитель был единодушно приговорен к смерти, если не считать единственного голоса — голоса его защитника.

— Давайте же приведем приговор в исполнение! — сказал Сорьель. Но из щепетильности тут же возразил себе: — Впрочем, нехорошо, если он умрет, не получив утешения религии. Может, поищем священника?

Я сказал, что уже поздно. Сорьель предложил мне взять эту обязанность на себя и велел злодею мне исповедаться.

Старик минут пять с ужасом тарачил на нас глаза, спрашивая себя, к кому это его занесло. Наконец глухим, пропитым голосом он вымолвил:

— Посмеяться хотите, выходит.

Сорьель силой принудил его стать на колени и, боясь, что родители этого нечестивца пренебрегли в свое время обрядом крещения, вылил ему на голову стакан рома. После чего сказал:

— Исповедуйся этому господину; твой последний час пробил.

Совсем потерявшись, старый мерзавец завопил: «На помощь!», — да так оглушительно, что пришлось заткнуть ему рот платком, иначе он перебудил бы всех соседей. Тогда он стал кататься по полу, брыкаясь и извиваясь, опрокидывая стулья, круша холсты в подрамниках. Наконец Сорьель, выйдя из себя, крикнул:

— Прикончим его!

И, прицелясь в распростертого на полу горемыку, нажал курок пистолета. Собачка слабо и сухо щелкнула. Вдохновенный примером, выпалил и я. Ружье, поскольку оно оказалось кремневым, дало искру, повергнув меня в изумление.

Тут Ле Пуатвен вполне серьезно задал нам такой вопрос:

— А вправе ли мы убивать этого человека?

— Но ведь мы осудили его на смерть! — с недоумением в голосе воскликнул Сорьель.

Ле Пуатвен продолжал настаивать:

— Штатских расстреливать не полагается; его следует отдать в руки палача. Так что давайте отведем его в полицию.

Такая мотивировка показалась нам убедительной. Старика подняли и, поскольку идти он не мог, уложили на доску от стола для муляжей, крепко-накрепко привязав к ней; мы с Ле Пуатвенем несли его, Сорьель, вооруженный до зубов, замыкал шествие.

У полицейского участка нас остановил часовой. Вызванный им начальник узнал нас и, будучи постоянным свидетелем наших затей, дерзких шуток и немыслимых безумств, лишь посмеялся; нашего пленника он взять не захотел.

Сорьель вздумал было настаивать, но офицер сурово посоветовал нам не подымать шума и отправляться домой.

Отряд вновь двинулся в путь и вскоре вернулся в мастерскую.

— Что же нам делать с воров? — спросил я.

Ле Пуатвен, расчувствовавшись, стал нам доказывать, что бедняга, должно быть, страшно устал. Действительно, все еще связанный и прикрученный к доске, с кляпом во рту, он выглядел так, словно был при смерти.

Тут и я испытал вдруг прилив неистового милосердия, милосердия пьяницы; вынув кляп у него изо рта, я спросил:

— Ну что, старичок, как дела?

— Да уж хватит с меня, черт побери! — простонал он.

И тут Сорьель обошелся с ним, как отец родной, освободил вора от всех пут, помог ему сесть, стал говорить ему «ты», и, дабы поддержать его силы, мы, все трое, поспешили заняться приготовлением нового пунша. Грабитель спокойно сидел в кресле и глядел на нас. Когда напиток был готов, ему вручили стакан; мы готовы были поить его с ложечки и чокались с ним наперебой. Наш пленник пил в три горла. Когда стало светать, вор поднялся и невозмутимо заявил нам:

— Так что приходится мне вас покинуть, пора и восвояси.

Мы были безутешны; всем хотелось задержать его хоть ненадолго, но он не пожелал с нами остаться.

Мы пожали ему руку, а Сорьель вышел со свечой в прихожую, чтобы посветить ему, и крикнул вдогонку:

— Будьте осторожны, не споткнитесь в подворотне!

Слушатели от души смеялись. Рассказчик встал, раскурил трубку и, обратясь к нам лицом, добавил:

— А ведь самое смешное в моей истории, что все это — истинная правда.

Примечания

Напечатано в “Жиль Блас” 21 января 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

1 ..эпоху... шаржей... — Имеется в виду время Июльской монархии (1830—1848), ознаменованное расцветом французской карикатуры.

2 Эжен Ле Пуатвен (1806—1870) — французский художник. Пейзажист — художник Луи Ле Пуатвен (1847—1909), сын поэта Альфреда Ле Пуатвена, кузен Мопассана.